

Фрагмент из романа

Terézia Mora
Das Ungeheuer

Luchterhand Literaturverlag, München 2013
ISBN 978-3-630-87365-7

С. 5-41

Терезия Мора
Чудовище

Перевод Марины Сивак
Редактор перевода Мария Зоркая

Она наклонилась, подалась грудью к нему, он почувствовал терпкий запах, исходящий снизу, от ее живота, приподнял голову и увидел пупок, маленькую обрамленную ракушку, приятно посмотреть, хотя куда интересней, что там дальше, вот небольшой холмик, вот показался шоколадного цвета пушок, как вдруг все обрывается, зыбкое видение растаяло, ворвались громкие голоса, несколько человек, среди них точно мужчина и женщина, говорят и смеются, не очень-то близко, в комнате рядом, говорят и смеются, и слов не разобрать, и первые горячие волны радости («Это ты, наконец!») и тревоги («Не вспоминай, что это сон, а то проснешься») сменились обжигающими волнами ярости, в висках бешеный, словно кувалдой по железке, стук – дьявольская, неукротимая ярость. Что хохочете, гиены, вы кто вообще такие, чего приперлись, Юрий, чертов ты козел! Опять кого-то привел, и когда только успел подцепить, мы же вместе возвращались, одни, дождался, пока я засну, и на тебе. Андреина и Моника с безумными рыжеватыми волосами, они на все согласны, хрюкнул Юрий у Коппа под ухом. Ты как хочешь, а я перееду в гостиницу! Юрий брызжет слюной, и словно иголки впиваются в кожу Дария. Однажды ты опомнишься, точно. Это мне надо опомниться? Это мне надо опомниться? Сначала ты опомнись! Посмотрим, как ты запоешь, когда я выйду и начищу тебе морду! Ты сам во всем виноват! Покуда ты не объявился, я был счастлив и доволен! Ну, не совсем, но у меня все было схвачено, а тут пришел ты и все испортил. Говоришь, не век так жить? А никто и не собирался! Век вообще не живут! Юрий усадил девицу на колени, они сцепились руками-ногами, звонко смеялись, обнажая сотню зубов, манили с хохотом: давай к нам! Копп взвыл от ярости, бессилия, боли – ему слабо, ниже пояса невообразимая тяжесть, а опора-то совсем мягкая, он рвется как бык, с ревом запрокидывая тяжелую рогатую голову, но падает, пытается высвободить хотя бы руку, замахнувшись со всей силы, а рука оказывается невесомо легкой – и бабах об стену. Скрючившись от боли, он подтянул ноги, но и коленями ударил в стену, грохот, и боль

сильнее прежней, зато теперь он знает, где находится, и лежит тихонько.

А сердце колотится.

Что называется, каморка. Гардеробная, гладильная, гостевая, кладовая. Полка, забитая до отказа, и койка. Источник света – окно, проход перекрывает напольная вешалка на колесиках, на одной ее стороне висит верхняя одежда, с другой стороны, внизу, стоит сумка с нижним бельем. Как тут не удариться об стену, уж очень она близко, а я все ворочаюсь. Любимая, любимая, любимая. Вообще мне редко снятся сны. Только здесь стали сниться. То я на корабле, то в гостинице незнакомого города, то в чужой квартире. Из-за стены слышны голоса, да так, что мне хочется разнести ее на куски. Зато он теперь знает: это не Юрий. Это за стеной, в квартире рядом. Там живут двое – красивые, высокие, дружелюбные, он пилот, она – его жена. Разговаривают и смеются. А здесь, в этой квартире, царит мертвая тишина. Может ли быть, что Юрий ушел, не разбудив Коппа? Обычно он меня будит, он и вообще очень настойчив: «Я сейчас уйду, не лежи целый день в кровати!» Дает мне небольшие поручения, будто я его жена. Пардон, домохозяйка. Да уж, здешний санаторий не для мужчины. Вынеси мусор, приберись на кухне, сходи в магазин.

Копп отодвинулся от стены, рука и нога свесились до полу. За окном вверху видно, как разворачивается строительный кран. А теперь еще и слышно. И рабочих слышно. Женщин среди них нет, но то и дело раздаются взрывы смеха. Говорят явно на саксонском диалекте. Кран стоит во дворе дома напротив, грузы проплывают то мимо соседей справа, то мимо соседей слева. В воздухе тюки, контейнеры и пыль. Облака пыли проникают в открытые окна, а если окна закрыты, незаметно просачиваются сквозь щели. Отбойный молот замолк, хоть это хорошо. Но кран запустили и сегодня с утра, Дарий Копп за ним наблюдал, пока не почувствовал позыв справить малую нужду.

Потихоньку выскользнул из каморки, а там и вправду никого. Но мимо зеркала не пройти. Зеркала повсюду. Куда ни глянешь, увидишь светловолосого, курносого малого лет за сорок – помесь с рептилией. Мешки под глазами, двойной подбородок. Вылитый пьянчуга. Да так и есть. Любимая, любимая, любимая, любимая... Пока слово не станет звуком, пусть и не особенно красивым, не сравнимым с пением птиц или другим чем-то приятным, нет в нем ни красоты, ни блеска, унылое лепетание, любимая, любимая, любимая...

Даже рук не помыв, как был, он встал у окна в комнате, продолжая глядеть на кран. Тот нес по воздуху рулон изоляционного материала. Кран замер, рулон качнулся, саксонцы что-то закричали, тут кран снова поехал, и рулон упал во двор к соседям слева. Взрыв смеха и крики.

– Эй! Мы что, оглохли? И почему мы еще раздеты?

Юрий стоял позади него, вовсе не раздетый, а нарядный как с иголки, в руках бумажный пакет из булочной.

– Приятель, живей, живей, под душ!

(Всегда одни и те же дурацкие разговоры. И чего эта разряженная обезьяна меня запугивает?)

А, вот что, вспомнил: рекрутинг-интервью. По-старому собеседование. Даже об этом позаботились! Как насчет работенки? Никаких заморочек. Придешь да поболтаешь немного. Для верности Юрий доставит тебя до места. Ему якобы в ту же сторону, а на самом деле – хотят убедиться, что ты действительно пойдешь на собеседование. Для начала он подгоняет тебя в душ. Считает минуты, пока ты расходуешь время и воду, но требует, чтобы полное ритуальное омовение проводилось хотя бы раз в два дня. Еще надо побриться, чистюлям доверяют больше. Под конец на кухне тебе наливают кофе и суют половинку булочки с вареньем, а после травля продолжается. На выбор у нас не более двух костюмов и трех рубашек, что сужает круг возможных промахов или попаданий, но Юрий проверяет даже цвет носков, это уж слишком. У меня есть

только черные, ты, гений! Коппу сунули губку для обуви, да не забудь еще раз помыть руки!

В этот миг уже второй раз за утро (и в третий раз с прошедшей ночи) у Дария Коппа просто кулаки чесались врезать разок, а то бы и не разок, лучшему другу по морде, в глаз (кости, вены), по носу (кости, хрящи), по губам (зубы, десны), а затем уже и в самое уязвимое место (точку нокаута), куда мне удалось попасть только раз, подростком, по чистой случайности. («Копп нокаутировал Черницкого! Копп нокаутировал Черницкого!») А уж потом завалиться в кровать. А Юрий пусть без сознания в коридоре. Нет, куда уж там в кровать. Пора выходить. Бери вещички и вперед. Придет в себя, а все болит, и проклянет нас обоих.

Нас!

Вот и я так заговорил.

– Пристегнешься ты или нет, ехать пора!

А ведь я терплю тебя уже восемь недель. Восемь недель, которые Дарию Коппу показались длиннее, чем весь предыдущий год. Нет, только десять месяцев, с августа по июнь. Почувствовал на себе длинную зиму. В последние годы зимы стоят ужас какие суровые. Отопление каждый год включается кое-как, но такого опытного человека, как Дарий Копп, этим не испугать, он просто ложится рядом с батареей и потихоньку спускает воздух, подложив тряпку, чтобы стекала лишняя вода. Лежит он там и слушает, как шипит, и смотрит, как капает. Тряпка – оранжевая рубашка-поло.

С августа прошлого и до июня нынешнего года Дарий Копп не выходил из квартиры. Поначалу ко мне еще заглядывали те, кому я не безразличен, кто испытывал ко мне жалость или сочувствие, ведь на меня столько свалилось в последнее время, но только установились морозы, и высоченные, сроду здесь не виданные сугробы перегородили улицы так, что ни пройти ни проехать – тут уж пропали все. Стояли холода, то чуть потеплеет, то опять похолодает, из-за трескучих морозов по стенам пошли трещины. Копп это замечал, но

игнорировал. Что там трещинки с волосок толщиной, сколько надо времени, чтобы улица вошла в дом, а дом оказался улицей, а пока оно не так, беспокоиться нечего. Он разработал систему, позволявшую ему не выходить из дома. Систему гениальной простоты из одного-единственного пункта, а именно: обеспечить себя едой и питьем. Со мной в этом отношении просто. Он заказывал всегда только пиццу, всегда в одной и той же службе доставки и строго по меню. От «Маргариты» до «Ассорти», двадцать четыре сорта, всегда от начала к концу. Курьеры шли и спотыкались, пересекая заснеженные просторы, достойные Аляски.

Двадцать четыре сорта пиццы, четыре курьера на этот район. Когда грозила опасность познакомиться с кем-то из курьеров поближе, Дарий Копп просто оставлял деньги на коврик у двери и забирал там свою пиццу, стоило только возне на лестничной площадке утихнуть. Как полагается, раз в день он открывал окно, чтобы застоявшийся теплый воздух сменился до боли холодным, а относительная тишина – обычным шумом четырехполосной улицы, трамваев и пролетающих в небе самолетов. Именно в это время Коппу вдруг хотелось принять ванну. Выходишь – и размякшее, теплое, чуть влажное тело охватывает свирепый холод, понятное дело, пульс, дыхание, слизистые и поры бьют тревогу, но Копп спокойно шагал вперед, закрывал окно и надевал сильно промерзшую вчерашнюю одежду.

Увы, снова наступила весна, пусть и с большим опозданием. Однажды утром Дарий Копп открыл банку кофе и увидел, что та пуста, взял новую пачку из шкафчика и увидел, что та последняя. Когда стало окончательно ясно, что жена Дария Коппа не вернется, он предпринял единственную попытку поддержать привычный образ жизни в одиночку, заказав на дом в огромном количестве минеральную воду, алкоголь и кофе. Все жидкости он давно уже выпил и вот теперь надорвал последнюю пачку кофе, как вдруг – сильная оттепель. Следующие пять дней Копп ограничивал избыточное потребление телевизионного контента, наблюдая за увлекательным оттепельным представлением. Сильнейшая оттепель!

Горные ручьи журчат посреди четырехполосной улицы, обрушиваются лавины с крыш, сосульки шлепаются на тротуары. Так продолжалось пять дней, пока не треснула последняя ледяная корка и улицы не превратились в поле битвы, в морену: щебень, зола, мусор, собачье дерьмо, петарды и мертвая живность – синицы, голуби, вороны, мыши и крысы. На кладбище неподалеку – лиса и несколько белок. В парковом пруду – всякие рыбки. Да и люди выглядели неважно. Поблекшие, в выцветшей одежде, они собирались перед бесплатной столовой. Обычная закусочная, а все-таки создавалось впечатление, будто только что кончилась война.

Так он думал, а Юрий именно это и произнес. Оттепель вынесла и его на поверхность. Расхаживая по частным владениям Коппа, он ругался на чем свет стоит. Что за дрянной район, а теперь тут еще и помойка на улицах! Старик, представляешь, я дохлую крысу на свалке видел! А это еще что? Это что? Ни в какие ворота не лезет.

Но ведь в спальне только и стоял комод, где на полке вечно копилась всякая мелочь, какие-то прищепки, таблетки, пластыри, записки. Посреди изначального декора, состоявшего из трех подсвечников и двух мексиканских глиняных статуэток. Так и прежде было. За последние десять месяцев в квартире ничего не изменилось. Лишь терраса теперь почти полностью завалена пустыми коробками из-под пиццы.

А Юрий вопил как сумасшедший.

– Подойди-ка сюда! Сейчас же подойди сюда!

Как назло, именно в эту минуту с крыши начала просачиваться талая вода. Вдоль резиновой прокладки верхнего окна, вдоль электропроводки подъемного механизма, сначала только струйками, а когда Юрий ткнул пальцем прокладку – водопадом. «Шатер мой опустошен, и все веревки мои порваны». Талая вода забрызгала Юрия – и голову, и костюм. А настроение у него улучшилось. Он тотчас взял дело в свои руки и тут же, стоя в луже, позвонил двум приятелям, а именно – Потхоффу и Муку, те занимаются ремонтом. Старое театральное правило: если ничего не получается, меняй декорации.

Одним достаточно мебель передвинуть, тебе же нужно переехать. Выезжай из этой квартиры. Ты вообще еще можешь за нее платить? Не глупи. К чему разоряться? Ну, квартира, и ладно. К счастью, в районе с громким названием, иными словами, не в меру дорогом. Этим надо воспользоваться.

Копп честно и спокойно ответил: он не желает. Не желает ничем таким пользоваться, у него все отлично, я не позволю вырывать себе всю челюсть из-за дырки в зубе.

ОК, сказал Юрий и посмотрел на него прямо, что редко с ним бывало. Человек, который не смотрит людям в глаза. Ему нравится делать вид, будто он весь такой стремительный, просто живчик. ОК, сказал Юрий, не спуская глаз с Коппа, я смотрю, ты поменял стратегию. А мне больше нравилось, чем ты раньше занимался: жрал, пил, платил, ржал... Ну, ладно, плевать. Значит, ты намерен стать бездомным. Только повода искал, чтобы все бросить. Таких историй полно. Был инженером, потерял работу, потерял жену, оказался на улице – и только по причине душевной слабости. Позволить слабости взять верх над жизнью – губительно, это намного опасней, да и происходит быстрее, чем многие думают. Ежедневные жалобы – это вовсе не проявления слабости, напротив, это механизм восстановления, о чем Юрий узнал от Нади – а она профессиональный психолог, то ли любитель – в ту минуту еще не выяснилось, и вообще: кто такая Надя?

– Моя девушка, ты, засранец.

– У тебя есть девушка?

– Уже полгода, тупица!

Тут Юрий понимает, что сам за полгода не более трех раз звонил Коппу и, вероятно не упомянул, что теперь у него есть подруга...

– По крайней мере, – спокойно ответил Копп, – я никому не в тягость. Я за все плачу сам.

– Надолго ли это, дружище?

Дарий Копп не подсчитывал. Подсчитать и опустить руки – трусость.

– Ну, ты идиот! Вот не заплатишь раз, тебя и выкинут.

Представив такое, Дарий Копп захихикал. Не так часто бывает, чтобы здорового взрослого человека подняли бы на руки, да выбросили.

– Прекрати хихикать как идиот! Что с той комнатой? Ты боишься туда войти! Ты кто? Гарсия Лорка?

(!?!?!?)

– Давай, – предложил Юрий, – давай, ты переоденешься в чистое, пойдем нормально перекусим, тогда и голова прояснится.

– Послушай, мы желаем тебе только добра, – сказал он чуть позже, и листочек кинзы зеленел в уголке его рта. – Мы с Потхоффом тебе поможем найти какой-нибудь склад. Там ты отлично уложишь вещи, пока ремонтируют твою квартиру. Мук берет всего-то десять евро в час. Полностью отремонтируешь и продашь, наладишь свои дела. А уж если не сможешь упаковать вещи жены, так Надя тебе поможет.

(Знать не знаю эту Надю. С другой стороны, лучше уж незнакомый человек). Но где, дорогой друг, ты предлагаешь мне поселиться?

Пока не определишься – у меня. Однажды, мой дорогой, ты восстановишься.

Вот тут бы и дать....

Не будь суров к нему. Он, если трезво взглянуть, хороший друг. Каждый день бьется со мной, и так уже восемь недель. Вот, они меня даже работой обеспечили:

– Ты просматривал объявления о работе?

Юрий, подписчик межрегиональной ежедневной газеты, задавал этот вопрос несколько чаще, чем хотелось бы.

– Какие-такие объявления о работе? – переспрашивал Копп.

...Пусть и на короткий срок, что-то там с компьютером в научном институте, где Хальдор вроде работает, ну, карьеру ты не сделаешь, но все лучше, чем ничего.

Что до спасения в работе, то отношение к миру у Дария Коппа изменилось после потери последнего места и особенно после года затворничества. Может, тебя спасет работа, может – безделье, может – случай или план, а может, и вовсе ничего, поэтому стремиться нужно к ближайшей цели – к выходу из кладовки Юрия, итак, хотя бы притворись, что ты не прочь заняться оплачиваемой деятельностью любого рода.

Наисовременнейший (sic!) технический бизнес-инкубатор включает в себя одиннадцать самостоятельных и множество университетских институтов, а также новые центры изучения таких увлекательных сфер, как Life Science и экономические отношения между Востоком, Западом, Севером и Югом, причем все эти заведения размещаются в отдельных, заново отремонтированных и оснащенных по последнему слову техники серых строениях. Каждое из них отличается от соседнего, но не настолько, чтобы удалось сориентироваться. Уж могли бы хоть где-нибудь четко написать номера! Юрий, ругаясь, сворачивает за один угол, за другой, а Копп на переднем сиденье имеет вид туриста с заинтересованным выражением лица, но равнодушным сердцем. Время от времени Юрий орет в трубку, прикрикивает на Хальдора: где к черту и т. д., у него времени не вагон и т. д. Может, у него действительно сегодня какие-нибудь дела. Хальдор встретил у входной двери, получил Коппа под расписку, Юрий уехал, только шины завизжали.

– Пойдем, – сказал Хальдор, длинные его волосы теперь свисали до самой талии (сложный вопрос: он выглядит еще как ученый или уже как бродяга? – Карикатура над столом Хальдора, подарок коллег). – Пойдем, я представлю тебя шефу, – сказал он.

Шеф – турок, Кан Как-то-там, новая метла, которая чисто метет, любого встречает как журналиста, сам выступает за весь институт, включая здание, где институт размещен, в здании и без кондиционера можно обойтись, по проекту архитектора Такого-то, посмотрите, вон открывается штора, и отнюдь не по волшебству, это штора с сенсорным управлением, а вот спальня господина Розе, ха-ха-

ха, тут мы его и оставим, а это, возможно, ваше рабочее место за компьютером. (Стол. Лицом к стене. Спиной к остальному помещению, но есть хотя бы окно, сбоку). Место, конечно, на ограниченный срок, работа плохо оплачивается и – как понятно из резюме Дария Коппа – ниже его профессионального уровня, но Копп соглашается: ничего страшного. После перерыва ему хотелось бы для начала сориентироваться.

Чем же он занимался «в перерыв»?

– Совершил кругосветное путешествие, – ответил Дарий Копп, глазом не моргнув. (Это еще не совсем бред. Знал я одного, он каждую неделю уточнял, что происходит на острове Робинзона Крузо. Сегодня на Мас-а-terra штормит, фернандесские колибри прячутся под листьями одуванчика, и так далее. Я-то, если надо, навру и без подготовки, не зря же я долго работал продавцом и смотрел бесчисленные репортажи о путешествиях).

Поболтали еще минуту-другую, затем господин Шеф протянул Дарию Коппу руку, посмотрел ему в глаза и пообещал, что скоро даст о себе знать, а Дарий Копп вдруг понял: за нос не водят того, кого уже считают членом команды, нет, это только игра, этот тип любит играть, он терпеть не может Хальдора, а Хальдор терпеть не может его, это ясно («Спальня». – Отвали, – читалось в улыбке Хальдора), но в остальном ясности никакой. Я вообще не понял, что это было. Пробубнил, как робот, что именно я умею делать, или раньше умел, к тому же, – вспомнилось Коппу, – перемежал свою речь бесчисленными вздохами, которые, увы, можно интерпретировать как скучающие, нервные или смиренные. Будь я повнимательней, справился бы с этими вздохами. Я, похоже, в последнее время разговариваю так: вздох – половина фразы, вздох – оставшаяся часть фразы, слова я как будто не произношу, а роняю, не обращаясь ни к кому, а главное – к слушателю, который их ждет, а если не ждет, то важно привлечь его внимание, но в завершение – еще один вздох.

– Благодарю вас, – сказал Дарий Копп, а что ему было сказать, и даже просиял, точно как его собеседник. Хотя на самом деле

окончательно угас. Вот, оказывается, что я теперь умею: все собеседование вздыхать, рассматривая сенсорные шторы, или закипать яростью, доходя до предельной точки.

Иное чувство возникло при взгляде на закрытую еще институтскую столовую: постыдная тоска неудачника. Уютные красные стулья, обитые искусственной кожей, вот присесть бы тут, и мне бы полегчало, что ж у вас закрыто, эй вы, лентяи, как насчет завтрака для тех, кто здесь ночевал, потому что у него есть работа и захватывающий проект, или у кого завал, или у кого нет другого жилья, боже мой, Хальдор и слова не промолвил, он вообще не говорит уже давно, объясняется только жестами, а этого вроде никто и не замечает, не зря же он бывал в дурдоме – ты, не говори дурдом, именно ты не говори. Может, вернемся и кофе выпьем, кофе всегда где-нибудь нальют, но теперь уже далеко, не идти же назад? Только не это, вот она, станция.

Станцию мне удалось найти, в задумчивости следуя зеленым указателям, и это чуточку утешало. Но к продуваемой ветром платформе вели две высоченные лестницы, и подъем давался с таким трудом, что, казалось, конца ему не будет. Боли в ногах, настоящие боли, вот ведь ржавая развалина, и лифта нет, на кресле-коляске я бы до Шоневайде доехал (ярость), и кто только выдумал (ярость усиливается) такие платформы, где нормально себя чувствуешь только в хорошую погоду, где даже без ветра поддувает, будто во рту, если только что вырвали зуб. Когда и куда исчезли залы ожидания – вот посидеть бы в зале ожидания заграницей... и почему мне сроду не довелось попасть в первый класс? Считал себя исключительным и при этом ни разу не был в зале бизнес-класса? Дарий Копп, инженер с дипломом Технического университета, стоит на пригородной платформе и скрипит зубами.

Да так громко, что слышно на расстоянии трех шагов. Взял себя в руки, стиснул зубы. Пришлось задержать дыхание, иначе не получалось.

Чем дольше задерживаешь дыхание, тем сильнее шумит в ушах, шум и теперь усиливался, но не настолько, чтобы Дарий Копп не мог слышать: скрип, от которого мурашки по коже, вовсе не исчез. Резко повернув голову, он вдруг испугался: здесь кто-то есть. Чужой. Не хочу сказать, что присутствие другого всегда неудача, даже наоборот, есть среди чужих и такие, чье присутствие, стоит преодолеть первый испуг, оказывается успокоительным и даже приятным, но сейчас – не так. Тот чужой на платформе, может, лет на десять старше, а может, и лет на десять моложе Дария Коппа, не разберешь из-за дрянных его шмоток. Вроде бы он и чистый, а вроде и немытый. Грязно-белый, тошнотворно-желтый, блевотно-лиловый – вот его цвета. Не такой замызганный, как бродяги, да и запах другой – как у тех, кто почему-то не любит бывать в ванной. Жизнь – грязная девка, с чего бы мне быть чистым? В руке он держит пустой синий пакет. Беден и не особенно культурен – вот каков попутчик, но не это главное. А главное то, что он скрипит зубами, как сказано выше. И слышно, и видно, как он, двигая челюстями туда-сюда, перемалывает что-то во рту, а выше-ниже рта такое лицо, какое никому не оставит надежды на безобидное чудачество. И ощущается – от корней волос до трясущегося двойного подбородка, нет, куда там, во всем теле – оголтелая ненависть. Этот человек ненавидит все и вся, а уж если заметит, что я на него уставился, так и меня возненавидит, первого встречного. Слишком долго я находился в замкнутом пространстве. Я от такого отвык. На телеэкране ненависть такая же, как еда: без калорий. Но тут по-иному, и Дарий Копп почувствовал, что снова дрожит. Отделаться бы от этого типа по возможности быстро, но как? Глупость, на чем еще отсюда уедешь, если не на поезде. Такси? Но он не успел улизнуть с платформы, не успел вытащить телефон: вдруг подкатил поезд. Копп пробежал немного, чтобы не попасть в один вагон со скрипуном, и ему опять не повезло.

Не дано ему было успокоиться, не дано тихо угасать в бездействии, хотя по мне, если все вокруг невыносимо, так уж лучше – ничего. Дарий Копп попал из огня да в полымя. В вагоне, до

которого он добежал на ноющих своих ногах, сидели два скинхеда. Сначала Дарий их вовсе и не заметил, они замерли, не шевелились. Но только поезд тронулся, когда уже не сбежать, они вдруг как бешеные затопали сапогами по полу и загорланили какую-то песню, где ничего не поймешь, кроме слова «Германия!», поезд трясется, сапоги топают, и только Германия, Германия, Германия, а что тут понимать – Германия!

«Германия!» – и ничего больше, просто Германия, Германия. Вагон почти пуст, кроме Коппа еще две женщины, и Копп вскоре заметил, что скинхеды обращаются к нему одному – как к мужчине. Позже Копп понял, что просто его подвергают пыткам, бывают дни, и это мне не впервой, когда вокруг все погружается в безумие, но прежде мне удавалось улыбаться, не обращать внимания, не замечать. Теперь все по-другому, безумие то же, но изменился я, в этом дело. Коппа трясло, но он не прятал глаз. Когда не можешь улыбаться или сохранять спокойствие и доброжелательность, то просто держись – упорно и упрямо. Так он сидел, смотрел, а два скинхеда орали и топали, пока поезд не прибыл на следующую станцию. Тут они внезапно замолкли. На посадке все тихо, входят пассажиры, но поезд тронулся вновь, и скинхеды опять затопали и заорали, ощериваясь все пуще. Дарий Копп понял, что дальше буравить их глазами нет смысла. И пересел на другое место.

Скинхеды сошли на одной с ним станции, но его не преследовали, они спустились до середины лестницы, толкая всех, кто шел навстречу. Наворачивали петли, чтобы толкнуть по пути всех и каждого. Копп оказался в двух шагах от кабины машиниста. Немедленно сообщить! Он преодолел эти два шага, что стоило немалых усилий, и заглянул в окошко, но машинист не поворачивался к нему, хоть убей. Он знает, – понял Копп. Он знал, он давно мог бы позвать охрану. Поезд тронулся, а Дарий Копп так и стоял на платформе, словно пришибленный.

Как же теперь попасть домой? Или туда, где я живу? Как же хоть куда-нибудь попасть?

Переход на другую станцию. Пожалуй, справлюсь. Нужно попытаться. В конце концов, ты не калека, так? Дарий Копп в запутанном переходе. Скрипит зубами. Наплевать и забыть. Я хотя бы не нацист. Нет, я обыкновенный трус. Ты боялся за свой костюм? А ведь костюм старехонький. Честно – нет. Боялся за нос, за свое лицо – какое уж теперь есть – и за черепушку? Да, если честно. Да, ты сумел все-таки выкрутиться, или просто повезло, – но сегодня ты ни в чем не преуспел. Кан, директор института. Его жесты подтверждали согласие, на деле же означали отказ. Так и с указателями в переходе, их смысл понимаешь потом. Стрелки указывали на выходы и проходы, которых нет, а там где правильный путь, указателей не было. Может, Дарию Коппу стоило внимательней глядеть на временные таблички, но он только расстраивался и впадал в ярость. Сколько народу! Мешаете пройти, правда, мешаете. Ни одного лица, на которое хотелось бы смотреть всю жизнь.

– Не могу больше! – сказал человек в комбинезоне, отойдя от газетного киоска. Это отчасти привело Коппа в чувство, и тихий, далекий, давно уже не слышный внутренний его голос даже усмехнулся. Не могу больше – в десять утра? Нет. В десять утра Кан Эрен (вот какая у него фамилия, хорошая фамилия, мне бы такую) слушал твою речугу, а теперь уже полдень, идиоты из цветочной лавки залили весь переход, наверное, ведро перевернули, но выбора нет, придется ступить в лужу. О том, что в его начищенных ботинках имеется дыра, Дарий Копп вспомнил уже там, посреди лужи, и сразу почувствовал, как медленно, но упорно намокают его носки. Последний раз он так вот шел по лесу, тогда у него сильно промокала правая нога. Копп начал прихрамывать. Как будто именно дыра в ботинке заставляет человека хромать.

И тут появились они. Возникли рука об руку на ярко освещенной лестнице, ведущей к улице. Высоченная женщина и низенький мужчина. Карлик. Настоящий карлик, не просто человек маленького роста. Настоящий скукоженный карлик, женщина среднего роста казалась по сравнению с ним великаншей. Дарий Копп, умилившись,

перестал злиться. Не здесь ли мое спасение? Женщина, которая шагает об руку с карликом? А бывает ли, что мужчины ходят с карлицами? Где-нибудь на свете точно бывает. Разве это повод, чтобы слезы выступали на глазах? А я вот прослезился. Пойду домой и поплачу, а после – ничего, никаких планов.

Они проплыли мимо, Копп жадно глядел вслед. Миновали огромный плакат: гигантская бутылочка для кормления в форме песочных часов, но большая часть песка уже просыпалась. Выпад в сторону женщин детородного возраста: это ведь не навсегда, эгоистичные вы шлюхи! У Коппа пересохли губы. Копп подошел к плакату поближе. Обозначен только номер типографии. В чем виновен тот, кто сделал эскиз плаката? В чем виновен тот, кто сдал под него целую стену? В чем виновен тот, кто запустил всю эту кампанию? Дарий Копп, дрожа и потея, полез за телефоном, чтобы сфотографировать телефонный номер, как вдруг его пребольно схватили за руку.

– Эй, вы!

Карлик.

– Разве нельзя вежливо спросить разрешения, если хочешь сфотографировать меня со спутницей?

– Что, простите?

– Так принято, вот что! Каждый человек обладает правами на собственное изображение, понятно?

– А? Что, простите? Что за чепуха?

О чем думал Копп, думал ли вообще Копп, понятия не имею, что я там думал, хотя нет, знаю: если этот гном тронет меня хоть раз своим грязным пальцем...

– Брось, приятель, ты вообще ни при чем!

Но на лице карлика уже появилась злобная ухмылка, ему так и хочется, так и хочется ссоры, его слоноподобная подружка тоже ухмыляется, ему надо перед нею покрасоваться, а ей тоже надо, чтобы он покрасовался. Но еще не поздно объясниться. Взгляни-ка на этот плакат, тебе не кажется, что это оскорбление, обида и оскорбление

тем женщинам, которые не..., возможно, есть женщины, которые так... которые расплачутся, когда они такое увидят, и о чем эти люди думали?..

– Ты, может, считаешь, что человек маленького роста не умеет за себя постоять? Заткнись, а то я сам тебя заткну!

Кровь бросилась в голову Дарию Коппу, он вырвал из карликовых тисков левую руку, в которой держал телефон, сжал правую в кулак и ударил. Увы, не попал по самому уязвимому месту (точке нокаута) и даже не задел всерьез, ударил куда-то сбоку, а карлик только того и ждал, он словно пролетел по воздуху и впился когтями в Коппа, и вот они бешено друг друга колотят. Карлик хотел Коппа повалить, Копп покачнулся, рубашка выбилась из брюк, одежда трещит по швам, карлик пытается схватить его за галстук. «Жуткие страдания циркового слона», – увидел Копп на газетной стойке краем глаза, попытался схватить карлика за глотку. Да как завизжит! Противник решил, что причинил ему боль. И рассмеялся, задыхаясь. Тогда Дарий Копп, закрыв глаза, принялся бешено колотить, куда попало. И в основном не попало никуда. Прибывшая полиция их разняла.

Глаза у Коппа блестели, он скалил зубы и сопел, как дикий зверь. Выглядел настоящим злодеем. Упирался, как мог, но особого упорства ему не требовалось. Он просто был вне себя, он находился в раскаленном и ярко освещенном пространстве. А потом вдруг разглядел ножку стола, то ли ножку стула, и линолеум неопределенного цвета. Здесь оказываются те, кого подвергают пыткам. Он чувствовал боль, точнее – осознавал, что ему больно. Челюсть, грудная клетка. Ушибы ребер. Но кого это волнует? Никто не осмотрел мои ранения. Вы не боитесь взять на себя такую ответственность? Возможны внутренние повреждения! У меня в ухе что-то липкое. Это от него? Или от меня? А вот содержание алкоголя в крови они проверят, это уж точно.

– Вы что-нибудь принимали? Наркотики? Лекарства?

Будто слон, вдруг оказавшийся в больнице, он только мотал головой. Ушли, оставили его в одиночестве.

Это безответственно. Вдруг я что-нибудь с собой сделаю. Мне бы тут сориентироваться, но вижу я лишь ножку стола да линолеум. Никуда мне не уйти. Сопли пачкали лицо, смешались со слезами.

Жена моя! Жена моя! Дарий Копп зарыдал, потому что в голову пришла абсурдная мысль: в таком виде нельзя явиться домой. Она выгонит, узнав, что он натворил. И все-таки ты знаешь: за такое никогда бы не выгнала, да что толку, ведь домой пути нет.

Сначала она просто уехала в деревню, мы как раз потеряли работу, оба одновременно, причем не в первый раз, такое ведь бывает, потом она окончательно решилась, она решила, что ноги ее не будет ни в городе, ни в нашей квартире, она всю бурную осень, всю суровую зиму прожила в домике на опушке леса, таких суровых зим, как в последние два года, я и не помню, но она все это перенесла, а весной умерла. Она повесилась на ветке дерева в стороне от дороги, нашли ее через полтора дня, босоногую, я сам не видел, но знаю, что пяточки у нее всегда были нежные. Кошмар, сплошной кошмар. Вижу линолеум, рядом горит лампа, сейчас меня поведут на допрос, начнут пытаться, я всегда втайне боялся допроса. Только никому не рассказывал. Я утверждал, что не вижу снов, но по правде – видел: ты сидишь со мной в одном ряду, но через три стула, а людей уводят и расстреливают, и ты на очереди.

Дарий Копп рыдал так, как здесь и не видывали, хотя здесь уж на всякое насмотрелись. Кого-то его плач разжалобил, но кого именно – Дарий Копп не разглядел, потому что вообще ничего не видел, он только слышал издали, что где-то рядом говорят по телефону, а сам только плакал, заливался горячими слезами, и в лицо ему била лампа для допроса. Любимая, любимая, любимая.

Позже пришла какая-то женщина, представилась то ли психологом, то ли психиатром. Обращалась к нему по фамилии, задала несколько вопросов, на которые ему позволили отвечать «да» или

«нет», из-за яркого света он все время сидел с закрытыми глазами, пока она не скомандовала:

– Пожалуйста, откройте глаза, чтобы я могла определить ваше состояние.

Он открыл глаза, а никакой лампы нет. Или ее развернули. Позади женщины-психолога стояли двое мужчин, санитаров. На случай, если я опасен?

– У вас есть кто-нибудь дома?

Тут уж Копп разразился и саркастическим смехом с завываниями, и плачем одновременно. Дыхание перехватило, привычным движением он попытался вытащить ингалятор. Лежит в кармане брюк, а никак не достанешь.

– Подождите, – сказала женщина-психолог, – я вам помогу. Думаю, успокоительное тоже не повредит.

Он помотал головой. Все пройдет. Пройдет. Пройдет. И снова закрыл глаза.